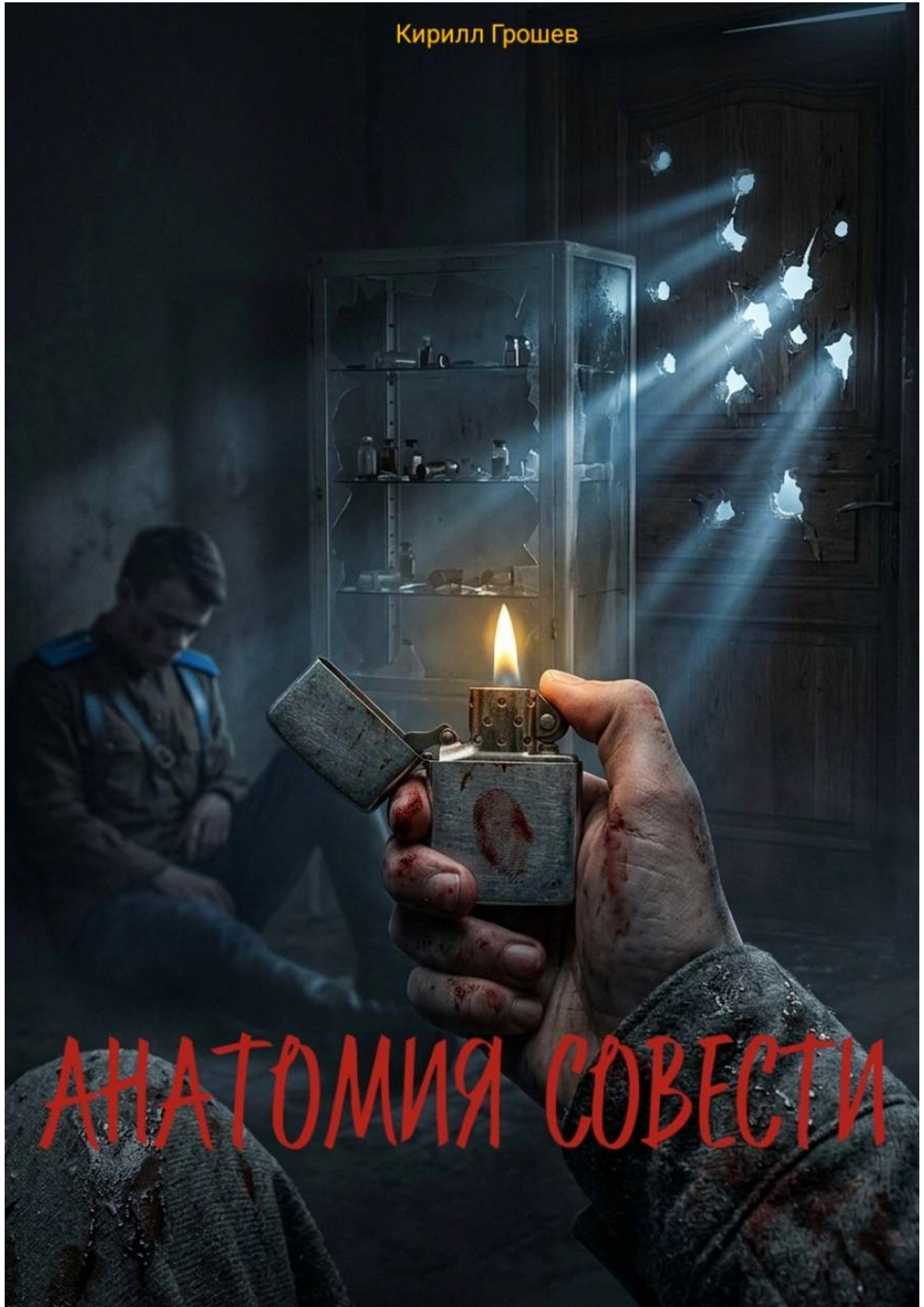

Кирилл Грошев

АНАТОМИЯ СОВЕСТИ

Кирилл Грошев

Анатомия совести

«Автор»

2026

Грошев К.

Анатомия совести / К. Грошев — «Автор», 2026

Осень 1944 года. В советском тылу происходит ряд авианалётов противника на колонны машин. Вся странность в том, что везли эти полуторки всего лишь пустые ящики от боеприпасов, бракованную форму и низкосортное горючее. Молодому следователю НКВД лейтенанту Ломову поручено разобраться в этом странном деле. Прибыв на место молодой офицер быстро вычисляет шпиона. Но полная картина происходящего совсем не подпадает под его концепцию «чёрного и белого». Свои же люди оказываются опаснее врага. Сможет ли молодой лейтенант принять правильное решение и поступить вне протокола? И какую цену придётся заплатить за это?

© Грошев К., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1 «Мёртвые маршруты»	5
Глава 2 «Полковое гнездо»	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Кирилл Грошев

Анатомия совести

Глава 1 «Мёртвые маршруты»

Сентябрь сорок четвёртого года выжимал из неба холодную, серую взвесь. Она не падала каплями, а просто висела в воздухе, оседая липкой влагой на сукне шинелей, жестяных крышах попутных полуторок и разбитых гусеницами дорогах Смоленщины.

Фронт укатился далеко на запад, за колючую черту государственной границы, оставив после себя выжженную, незажившую землю. Из-под черной грязи то и дело скалились ржавые остовы сожжённых немецких «панцеров» и кресты разбитых советских пушек.

Лейтенант Кирилл Ломов сидел на деревянном ящике в кузове попутного ЗИСа, тесно прижавшись спиной к кабине, чтобы хоть как-то укрыться от пронизывающего ветра. Одной рукой он придерживал брезентовый полог, другой - прижимал к груди новенький, пахнущего свежей кожей планшет с Предписанием № 0032 внутри.

Под гул надрывающегося мотора Кирилл смотрел на мелькавшие за бортом серые перелески и вспоминал свой последний разговор на Лубянке.

В кабинете пахло крепким табаком, сургучом и застарелой усталостью.

- Ты мне зубы-то не скаль, Ломов, - хмуро бросил тогда полковник, заметив, как у молодого лейтенанта при слове «задание» загорелись глаза и едва заметно дёрнулся уголок губ в предвкушении настоящей схватки. - Знаю я вас, ускоренный выпуск. Думаешь, сейчас приедешь, шапку наголо, из кустов засаду, и шпион в мешке? Романтика?

- Никак нет, товарищ полковник, - спокойно, без тени обиды ответил Кирилл. Он не любил суесться. Слегка прищурив левый глаз - давняя привычка, помогавшая сосредоточиться, - он ровным голосом продолжил: - Романтики в пустых сгоревших колоннах мало. Если трижды подряд «Юнкерсы» бьют второстепенный транспорт, значит, противник получает четкие координаты. Но тот, кто их даёт, либо глуп, либо сильно ограничен в источниках. Зачем немцам тратить ресурс авиации на бракованное сукно и пустые ящики от снарядов? Это нелогично.

Полковник тогда удивленно приподнял седую бровь, оценив, как парень мгновенно отбросил юношеский задор и начал рассуждать сухими фактами.

- Вот именно, что нелогично, - старший офицер пододвинул к нему карту. - Настоящие стратегические графики наступления идут через СМЕРШ и штаб фронта. Туда этой крысе не добраться. Она кормится крохами с тылового стола 142-го полка, но сдаёт маршруты регулярно. Приедешь на место - опергруппами не разбрасывайся. Полковник Халерин там три года командует, мужик заслуженный, резкий. Мешать ему не смей, но тыл его перетряхни незаметно. Действуй по уму, Ломов. Без кавалерийских наскоков.

- Разберусь, товарищ полковник. Будет сделано, - ответил Кирилл. И хотя голос его прозвучал по-уставному строго и взвешенно, внутри всё буквально пело.

Теперь, сидя в качающемся кузове грузовика, Кирилл с улыбкой вспоминал эту свою внутреннюю бурю. «Кавалерийский наскок... - подумал он, поправляя сползающий ремень планшета. - Нет, товарищ полковник, наскоком тут только дров наломать можно». Он вытащил из кармана шинели плоскую серебряную зажигалку - трофей, привезённый старшим братом с Курской дуги, - и задумчиво повертел её в пальцах.

Брат всегда говорил: «На фронте побеждает тот, у кого нервы крепче и шаг тише». Кирилл зажигалку берёг, она была для него вроде талисмана, напоминанием о доме, о довоен-

ных футбольных матчах на пустыре за школой, о той мирной, залитой солнцем жизни, которую обязательно нужно вернуть.

Мальчишеское желание совершить подвиг никуда не исчезло, но Ломов умел прятать его глубоко внутри, подчиняя холодному расчёту.

Грузовик резко тряхнуло на выбоине, вырывая Кирилла из мыслей. ЗИС въехал на окраину разрушенного райцентра, где располагалась база полка. Вокруг расстиралось то, что военные сводки сухо именовали «глубоким тылом». Остовы кирпичных печей - всё, что осталось от сожжённых изб, - торчали среди серого осеннего пейзажа, словно гнилые зубы. На площади уцелело лишь длинное, приземистое здание бывшей школы с заколоченными досками окнами, над которым лениво полоскался грязный красный флаг.

Мимо грузовика по колено в жидком месиве брели изнурённые женщины в серых ватниках. Чуть дальше, у раскисшей обочины, стояла колонна военнопленных немцев - серые, обмотанные грязными тряпками фигуры. Они безразлично смотрели под колёса. Кирилл проводил их долгим, оценивающим взглядом. Никакой слепой ярости он к ним не испытывал - только профессиональный интерес исследователя, которому предстояло заглянуть в замочную скважину чужих тайн.

Машина затормозила у крыльца бывшей двухэтажной земской управы. Кирилл подхватил свой тощий чемоданчик, соскочил с борта прямо в холодную жижу. На секунду замерев, он с удовольствием вдохнул влажный воздух, лихо, с лёгким щегольством поправил фуражку и, вернув лицу прежнее спокойное, сосредоточенное выражение, уверенно зашагал к тяжёлой дубовой двери комендатуры.

Внутри управы было сыро, пахло прелой бумагой и махоркой. Поднявшись на второй этаж, Кирилл постучал в дверь с табличкой «Командир полка». Получив басовитое разрешение, он вошёл и сразу окунулся в атмосферу обманчивого, сытого тылового уюта. В углу жарко топилась печка-голландка, на столе исходил паром пузатый самовар, а на тумбочке тускло поблёскивал раструб трофейного патефона.

За массивным столом, заваленным ведомостями, сидел полковник Халерин - грузный, широкоплечий мужчина лет сорока пяти с багровым, обветренным лицом и тремя рядами орденских планок на плотной суконной гимнастёрке.

- Докладывает лейтенант Ломов. Прибыл в ваше распоряжение для проведения оперативных мероприятий по предписанию Управления, - Кирилл четко зафиксировал шаг, вскинул руку к козырьку и вытянулся по струнке. Но его глаза, живые и цепкие, мгновенно зафиксировали детали: полупустой стакан с тёмно-коричневый крепким чаем, тарелку с колотым сахаром и тонкий аромат дорогого табака, явно не казённой махорки.

Халерин медленно поднял тяжёлый взгляд, окинул Кирилла с ног до головы, задержавшись на его зеркально чистых погонах, и вдруг широко, беззлобно улыбнулся.

- Ну, здорово, орел Лубянки, здорово, - полковник поднялся, его огромная ладонь тяжело опустилась на плечо Кирилла, едва не прижав того к полу. - Расслабься, лейтенант. У нас тут фронт далеко, окопной грязью не брызжем. Садись к столу. Чаю хочешь? С сахаром! В Москве-то небось сахар по карточкам, строго?

- Спасибо, товарищ полковник, от чая не откажусь, - спокойно ответил Кирилл. Он не стал тушеваться перед грузным командиром, сел на предложенный табурет, но спину держал прямо, по-курсантски. В его манерах не было страха, только вежливое, холодное почтение. - А насчёт строгости - так время такое. На передовой нужнее.

Халерин хмыкнул, наливая парню чаю в гранёный стакан.

- На передовой, говоришь? Ладно, ладно. Наслышан я о твоей задаче. Ищешь, значит, кто у меня под боком с немцами в поддавки играет? - полковник сел обратно, прищурился, и его добродушное лицо на секунду показалось Кириллу маской, из-под которой блеснули жёсткие, волчьи глаза.

- Я тебе так скажу, Ломов. Тыл у меня - как дырявое корыто. Бабы шальные, дезертиры по лесам рыщут, местная шваль, что при немцах жила, до сих пор зубы точит. Но шпионы? Брось. Немцы быют колонны, потому что наши водилы - раздолбаи. Включат фары ночью, закурат толпой на перекрестке - вот их сверху и накрывают. Не ищи чёрную кошку в тёмной комнате, лейтенант. Особо носом не крути, фронту работать не мешай. Скоро тут такое начнётся, земля задрожит.

Кирилл взял стакан, почувствовал, как тепло приятно обжигает пальцы. Он сделал глоток, аккуратно поставил стакан на стол и посмотрел Халерину прямо в глаза. Левый глаз лейтенанта привычно чуть прищурился, а на губах появилась едва заметная, мягкая, но очень уверенная улыбка - та самая, с которой он на училищных диспутах ловил старшекурсников на логических ошибках.

- Водители, конечно, люди лихие, товарищ полковник. И курят, и фары жгут, - рассудительно, почти мягко произнёс Ломов. - Только вот трижды подряд сжечь колонны именно на глухой просёлочной дороге, и именно тогда, когда они идут полупустые, с браком... Знаете, для случайного раздолбайства это слишком точный расчет со стороны немецких штурманов. Немцы - народ экономный. Они бомбы на пустые бочки просто так тратить не станут. Тут система, товарищ полковник. А систему всегда кто-то строит.

Халерин на секунду замер со стаканом у рта. Его пальцы сильнее сжали стекло. Добродушная улыбка медленно сползла с его лица, оставив тяжёлую, давящую складку между бровей. Опытный тыловик понял: перед ним сидит не восторженный мальчишка, которого можно запугать авторитетом или задобрить куском сахара. Приехал дотошный, спокойный и очень опасный гончий пёс.

- Ишь ты... Умный, - негромко, уже без прежнего панибратства протянул полковник. Он выставил вперёд массивную челюсть. - Ну, ищи, лейтенант. Ищи. Выделю тебе избу на краю, писаря толкового из раненых. Но если из-за твоих поисков мне хоть один эшелон со снабжением сорвут - сам под трибунал пойдешь. Свободен.

- Есть, товарищ полковник, - Кирилл поднялся, чётко приставил каблуки, развернулся через левое плечо и вышел.

Оказавшись в прохладном коридоре управы, Ломов остановился. Он достал из кармана свою серебряную зажигалку, привычно крутанул ее в руке, слушая сухой щелчок крышки. Мальчишеский задор, который он так тщательно прятал в кабинете, снова проснулся внутри, заставив сердце биться чаще. Задача становилась по-настоящему интересной.

«Не ищи черную кошку, говорите? - подумал Кирилл, убирая зажигалку и глядя на закрытую дверь Халерина. - Посмотрим, товарищ полковник. Посмотрим, какого цвета эта кошка».

Глава 2 «Полковое гнездо»

Выделенная Кириллу изба стояла на самом краю городка, у раскисшего кукурузного поля. Время не пощадило её: левый угол просел, крыша из почерневшей соломы сиротливо горбилась под бесконечным смоленским дождём, а три окна из четырёх были наглухо заколочены фанерой. Одно уцелевшее стекло глядело на мир мутно, сквозь наслоения старой копоти.

Внутри пахло сыростью и остывшей печной золой. Обстановка была спартанской: покосившийся стол у окна, две колченогие табуретки и сколоченные из неструганых досок нары, на которых лежал тощий матрас, набитый прошлогодней соломой.

На одной из табуреток, согнувшись в три погибели, сидел писарь, которого выделил Халерин. Это был худой, как жердь, парень лет двадцати, в полинялой, не по размеру большой гимнастёрке. Левый рукав его был аккуратно подогнут и приколот булавкой - руки выше локтя не было. На стук двери он испуганно вскинулся, едва не опрокинув чернильницу-непроливашку.

- Здравия желаю, товарищ лейтенант! - звонко выкрикнул он, пытаясь встать. - Рядовой Гордеев. Прикомандирован в Ваше распоряжение для ведения писарских работ!

Кирилл аккуратно поставил свой чемоданчик у порога, снял фуражку и стряхнул с малинового околыша крупные капли воды. На его губах появилась та самая открытая, мягкая улыбка, которая сразу стирала с его лица суровую маску офицера госбезопасности.

- Вольно, Гордеев, садись, - Ломов подошёл к столу и протянул рядовому правую руку. - Кирилл Дмитриевич я. Давай без лишнего фронтового глянца, нам тут не на парад ходить. Давно из госпиталя?

Гордеев робко пожал руку лейтенанта, заметно расслабляясь. В его глазах, еще секунду назад полных глухого страха перед «лубянским начальством», промелькнуло удивление.

- Месяц как, товарищ... Кирилл Дмитриевич. Под Витебском осколком задело. Думал, подчистую спишут, в тыл отправят, в колхоз. А полковник Халерин пожалел, к штабу пристроил. Грамотный, говорит, бойцы с одной рукой тоже Родине нужны. Хороший он человек, полковник-то. Строгий, но справедливый. Спас меня, почитай.

Кирилл незаметно прищурил левый глаз, фиксируя эту деталь. «Хороший человек, спас...». Мысленно Ломов сделал пометку, что преданность писаря полковнику может стать препятствием. Но вслух ничего не сказал. Он сел на вторую табуретку, вытащил из кармана шинели серебряную зажигалку, привычно щёлкнул крышкой, просто чтобы занять пальцы, и положил её на стол.

- Хорошо, Гордеев. Раз грамотный - это к лучшему. Нам с тобой предстоит много бумаг перебрать. Ты мне вот что скажи: где хранятся журналы выезда дежурных машин и путевые листы за последний месяц?

- Так в дежурной части, в комендатуре, на первом этаже, - охотно отозвался писарь. - У старшины Потапова. Только он мужик лютый, старой закалки. Просто так бумажку не покажет, ворчать будет.

- Ничего, со старшиной мы договоримся, - Кирилл легко поднялся, подмигнул парню, в чьём взгляде снова проскочил мальчишеский интерес, и набросил на плечи ещё влажную шинель. - Жди меня здесь, Гордеев. Скоро работы будет невпроворот.

Комендатура встретила Кирилла привычной толкотнёй. На первом этаже пахло мокрыми сапогами и прокисшей капустой из столовой. Старшина Потапов - усатый, квадратный сверхсрочник с цепким взглядом - действительно поначалу насупился, когда молодой лейтенант потребовал архивы. Но Ломов не стал давить званием. Он спокойно присел на край тяжёлого сейфа, завёл разговор о снабжении, аккуратно перевел тему на недавние налеты, посочувствовал тяжёлой службе в тылу, а в конце как бы невзначай выложил на стол Предписание № 0032.

Настоящий бланк НКВД с сургучом подействовал трезво: старшина молча выкатил на стол три толстые, обшитые суровыми нитками папки.

Два часа Кирилл провёл в холодном углу каптёрки, методично выписывая в блокнот даты, фамилии и маршруты. Его аналитический ум искал закономерность. Он выстраивал в голове сухую, математическую модель.

Вот первая колонна. Выехала 4 сентября в 04:00. Маршрут изменён дежурным по части за два часа до выхода - пустили по старой просеке. Налет произошел в 06:15.

Вот вторая. 12 сентября. Маршрут скорректирован в полночь. Налет - утром.

Третья. 18 сентября. То же самое. Маршрут менялся в самый последний момент, якобы из-за «непроходимости основных дорог после дождей».

Кирилл откинулся на спинку стула и задумался. Логика подсказывала: диверсант из леса не мог знать об изменениях, принятых в кабинетах комендатуры за пару часов до старта. Информация уходила отсюда, из этого здания. Но кто знал эти ежечасно меняющиеся графики? Дежурный по части? Сам Халерин? Или кто-то, кто имел легальный доступ к столу дежурного?

Ломов закрыл последнюю папку, поблагодарил старшину и вышел на улицу. Дождь почти стих, сменившись промозглой сыростью.

На площади перед школой-госпиталем разгружали очередную телегу с ранеными. Среди криков и суеты Кирилл заметил высокую фигуру в белом халате, наброшенном прямо на шинель.

Офицерские сапоги мужчины были покрыты ровным слоем серой грязи, но двигался он удивительно плавно, почти изящно. На его голове белела аккуратная шапка абсолютно седых, серебряных волос, хотя лицу на вид нельзя было дать больше пятидесяти. Он отдавал тихие, спокойные команды санитарам, и те слушались его беспрекословно, без привычного мата и суеты.

- Это кто? - негромко спросил Кирилл у проходившего мимо бойца с забинтованной рукой.

Солдат посмотрел в сторону школы и уважительно снял пилотку:

- Это-то? Так доктор наш, Артур Генрихович Шульц. Золотые руки, товарищ лейтенант. Из самой Москвы прислали, или из Питера... Он мёртвых с того света вытаскивает. Немец он, говорят, из обрусевших. Но человек святой, ей-богу. Спаситель наш.

Кирилл проводил взглядом доктора Шульца и, повинувшись внезапному внутреннему импульсу, направился напрямик к дверям госпиталя. Мальчишеское любопытство смешалось с профессиональным чутьем: Ломов хотел посмотреть на этого человека вблизи.

В вестибюле школы было шумно и душно, пахло хлоркой, спиртом и свежей кровью. Санитары таскали носилки. Доктор Шульц стоял у окна, заполняя какую-то ведомость прямо на подоконнике. Кирилл подошёл ближе. На шаги хирург не обернулся, продолжая быстро и аккуратно выводить чернильные строчки. Ломов заметил, что пальцы у доктора были длинными, тонкими - пальцы музыканта, а не фронтового мясника.

- Военврач второго ранга Шульц? - спокойно позвал Кирилл.

Хирург замер, медленно опустил карандаш и повернулся. Его лицо, землисто-бледное, с глубокими тенями под глазами, выражало такую глухую, вековую усталость, что Ломову на секунду стало неловко за свой бодрый, казенный тон. Глаза у Шульца были светлыми, почти прозрачными, а взгляд - ледяным и пронизательным. Он окинул взглядом васильковые погоны Кирилла, задержался на его чистом, молодом лице, и уголок его губ едва заметно дернулся.

- Да, лейтенант. Я слушаю вас, - голос Шульца оказался тихим, но глубоким, с безупречным, почти старорежимным ленинградским выговором. - Надеюсь, вы пришли не для того, чтобы забрать кого-то из моих пациентов в оперчасть? У меня здесь только тяжелораненые.

Кирилл почувствовал лёгкий укол шпильки, но лица не изменил. Напротив, он мягко улыбнулся, слегка прищулив левый глаз, и ответил рассудительно, без казённого нажима:

- Никак нет, Артур Генрихович. Забирать мне пока некого, да и работа у Вас, я вижу, поважнее моей будет. Лейтенант Ломов, Кирилл Дмитриевич. Прибыл для проверки тыловых служб. Хотел представиться, узнать, нет ли у госпиталя каких трудностей со снабжением или транспортом. Колонны наши, сами знаете, в последнее время не всегда доезжают.

Шульц при слове «колонны» едва заметно вздрогнул. Его пальцы, державшие карандаш, на долю секунды побелели от напряжения, но он тут же взял себя в руки. Этот мимолётный жест не укрылся от внимательного взгляда Ломова.

- Трудности со снабжением у нас всегда, лейтенант, - Шульц аккуратно закрыл журнал.
- Нам не хватает бинтов, сульфидина и элементарного спирта. А насчет колонн... На то она и война, чтобы машины горели. Вы лучше у полковника Халерина спросите, почему медикаменты идут по третьей категории. А мне пора. Меня ждут в операционной.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.